

ББК 88.3

*И.В. Фотиева***Проблемы исследования сознания***I.V. Fotieva***Problems of Researching Consciousness**

На примере анализа работ известных исследователей проблем сознания демонстрируется неудовлетворительность общепринятых исходных принципов и мировоззренческих установок, ведущих к противоречиям и тупикам, в особенности в интерпретации субъективности. Обосновывается необходимость принятия супранатуралистической парадигмы, разработанной в трудах русских философов первой половины XX в.

Ключевые слова: сознание, ментальное, субъективное.

Проблемы сознания, как известно, стоят в центре внимания самых разных направлений научной и философской мысли, и их исследования демонстрируют, на наш взгляд, односторонность основных подходов и, как следствие, противоречивость и неудовлетворительность выводов. Все это свидетельствует о необходимости смены парадигмы. Наиболее перспективной представляется позиция русской метафизики всеединства, базирующаяся прежде всего на тезисах монодуализма и супранатуралистической эволюции. Не претендуя на сколько-нибудь полный обзор ситуации в рамках одной статьи, мы очертим ее контуры обращением к трудам трех авторов – Дж. Серла, Д. Деннета и отечественного исследователя Д.И. Дубровского.

Дж. Серл точно фиксирует типичный ход мысли большинства современных авторов: позитивистское требование «научной объективности» ведет к изучению сознания «от третьего лица», т.е. фактически к его устранению и изучению лишь поведения. Это «...затрудняет для нас возможность усмотреть различие между чем-то, действительно обладающим сознанием... и чем-то, чье поведение таково, как если бы оно обладало сознанием, например, компьютером... Вы перестаете видеть существенную черту ментального, а именно, что его онтология, в сущности, есть онтология от первого лица» [1, с. 37]. Автор последовательно обосновывает ложность известного тезиса «одинаковое-поведение-следовательно-одинаковые-ментальные-феномены», критикует попытку описания так называемых ментальных свойств в «топически-нейтральном» словаре, а также слабость функционализма и редукционизма. Главное же острие его критики направлено против узко понимаемого «материализма», основанного на двух ложных постулатах: а) что «...единственные вещи, которые существуют,

Basing on analysis of works found by the known researchers the author illustrates the non-satisfactoriness of the generally accepted initial principles and world view settings that lead to contradictions and deadlocks, in particular, in interpretation of subjectivity. The necessity to accept supranaturalistic paradigm developed by Russian philosophers at the first half of XXth century is grounded.

Key words: consciousness, mentality, subjectivity.

имеют в конечном счете физический характер в том смысле, как традиционно понимается физическое, то есть как противоположное ментальному» [1, с. 33] и б) что реально существующие эмпирические факты должны быть доступны любому наблюдателю. Такому материализму свойственен, как указывает Дж. Серл, страх перед сознанием и неизбежные противоречия: «Ранние материалисты доказывали, что не существует таких вещей, как обособленные ментальные феномены, ибо ментальные феномены тождественны состояниям мозга. Материалисты последнего времени доказывают, что не существует таких вещей, как обособленные ментальные феномены, ибо они не тождественны состояниям мозга» [1, с. 64].

Что же предлагает сам автор? Дж. Серл, закономерно отстаивая «онтологию от первого лица», может обосновать ее лишь с помощью отказа от жесткого противопоставления физического и ментального (идеального). «...Бедность этих категорий становится очевидной, как только вы начинаете размышлять о различных видах вещей, содержащихся в мире... Будет устаревшим даже с точки зрения физики предполагать, что физическая реальность физична... Н. Хомский однажды сказал (в беседе), что как только мы приходим к пониманию чего-либо, мы называем это “физическим”. В соответствии с таким взглядом в тривиальном смысле все или физично, или недоступно пониманию» [1, с. 44].

Таким образом, Дж. Серлу остается один шаг до признания супранатуралистической позиции, блестяще развитой в трудах русских философов первой половины XX в.: то, что мы условно разделили на физическое и идеальное, есть разные грани и уровни единой *монодуальной* реальности. Все его аргументы напрямую подводят к этому выводу, например, рассуждения по поводу общеизвестных фактов, так

и не получивших в многочисленных дискуссиях удовлетворительной интерпретации: «Гастрокишечный тракт является высокоразумным органом, который ощущает не только наличие пищи в кишечнике, но также ее химическое строение, количество, волокнистость, и устанавливает уровень ее продвижения и смешения путем создания соответствующих схем ее сжатия. В силу высокоразвитой способности принятия решений, пищеварительную стенку, состоящую из слоев мягкой мускулатуры, нейронных структур и паракрино-эндокринных клеток, часто называют пищеварительным мозгом... Попробуйте в реальной жизни предположить, что “восприятие” и “вынесение решений” пищеварительным мозгом не отличаются от того, когда это делает реальный мозг... Если вы отрицаете данное различие, то тогда оказывается, что все во вселенной обладает интенциональностью. Все во вселенной... ведет себя как если бы оно следовало правилу, стараясь осуществить определенный проект, действуя в соответствии с определенными желаниями и т.д.» [1, с. 91].

Естественно задать вопрос: а почему бы и нет, если, конечно, «желание» понимать не буквально; и что, собственно говоря, мешает признать телеологичность Природы, кроме научных предрассудков? Показательно, что и другие исследователи сознания встают перед теми же проблемами: во-первых, перед необъяснимым фактом целесообразности, «разумности» живого организма; во-вторых, перед вопросом о границах психики и сознания, о критериях, согласно которым мы постулируем наличие или отсутствие психики у живого существа; в-третьих, перед эволюционной необъяснимостью самого появления сознания и разума. Попытки ответов на эти вопросы, как правило, представляют собой сколь героическое, столь и бесплодное усилие любой ценой остаться в рамках общепринятых научных воззрений, в том числе и у самого Дж. Серла. Несмотря на всю предыдущую критику материализма, он неожиданно заявляет: «...философы... не видят того, что ментальное состояние сознания есть просто обычная биологическая, то есть физическая черта мозга» [1, с. 34], – но в то же время пытается одновременно и отмежеваться от него: «Не вся реальность объективна; некоторая ее часть субъективна... ментальные состояния имеют несводимо субъективную онтологию» [1, с. 39]. Какова эта несводимая «субъективная онтология» – так и остается неясным.

Пытаясь ответить на вопрос, почему мы не можем установить прямую каузальную связь между определенными состояниями мозга и состояниями сознания, он объясняет это следующим образом: «Мы неспособны преодолеть субъективность нашего сознания, чтобы постигнуть его необходимое отношение к своему материальному базису... поскольку уже находимся в пределах субъективности... (Если бы твердость

была сознательной, ей показалось бы загадочным, что она обусловлена вибрационными движениями молекул в решетчатых структурах, тем не менее эти движения объясняют твердость» [1, с. 109]. Пример явно неудачен, так как нет твердости «самой по себе», независимой от нашего восприятия, и, следуя этой логике, мы неизбежно должны прийти к отрицанию сознания – против чего сам Дж. Серл активнейшим образом выступает. Что же касается эволюционного предназначения сознания, то он повторяет известный тезис: «Одним из эволюционных преимуществ, предоставленным нам сознанием, оказывается значительно большая гибкость, чувствительность и креативность, которые мы извлекаем из своей сознательности» [1, с. 114]. То, что это неудовлетворительный ответ, было уже подчеркнуто в работах множества авторов: если главной биологической целью организмов (а другой цели, как утверждается, нет) является выживание и размножение, то для этого не нужны повышенные чувствительность и креативность; чем проще организм, тем больше у него шансов выжить и размножиться. Но если, скажем, вслед за русскими космистами, предположить «цель» и направленность эволюции к развитию разума (отчасти подтверждаемую многими выявленными в современном естествознании фактами и закономерностями, например, тем же антропным принципом), тогда усложнение организмов, появление новых способностей объяснимо и закономерно, и они служат, в том числе, и выживанию, но как второстепенной задаче.

Похожая картина вырисовывается при чтении оппонентов Дж. Серла, например Д. Деннета, при всей частной разнице их подходов. Деннет с разных сторон пытается обосновать известный тезис о том, что сознание – это свойство определенного уровня организации живого (прежде всего, нервной системы), достигнутого в ходе эволюции. «...В течение миллиардов лет организмы постепенно развивались, накапливая все более универсальные механизмы, предназначенные для обеспечения все более сложных и связанных между собой видов блага. В конечном счете, с развитием у человеческого рода языка, а также разнообразных форм рефлексивности... у нас появилась способность задаваться вопросами об удивительных вещах...» [2, с. 40]. При этом Деннет задается упомянутыми выше вопросами: на каком эволюционном шаге и каким образом живые существа вдруг обрели способность чувствовать и действовать, т.е. психику, а затем и зачатки разума, т.е. превратились из «живых роботов» в индивиды; где тот рубеж, за которым мы смело можем приписывать живому существу психику, какими экспериментами мы могли бы доказать корректность этого приписывания? Деннет не пытается дать ответы, видимо, чувствуя принципиальную нерешаемость этих вопросов в принятой им парадигме, но в то же время на самый главный вопрос – что такое сознание

по своей сути – он отвечает весьма уверенно: факт корреляции уровня сложности живого организма (нервной системы и, в целом, тела) с уровнем развития сознания и постепенное возрастание этой сложности в процессе эволюции вполне доказывают тезис о том, что сознание – результат сложной организации, некое новое (эмерджентное) качество биологической системы.

Но, во-первых, при этом, как легко видеть, игнорируется важный принцип: «после того – не значит вследствие того». Связь сложности организма и его уровня развития сознания очевидна, но она с тем же успехом может быть истолкована иначе: определенный уровень организации *не порождает* сознание, а является биологической *основой* для развития и функционирования на этой основе *исходного потенциала* сознания, онтологически (как бы в виде «зерна») присущего любому элементу Космоса; при этом уровень сознания будет ограничен уровнем сложности биологической основы.

В качестве простейшего примера-пояснения можно привести любимый когнитивистами пример с компьютером: сама по себе сложность технического устройства компьютера (его «железо», как говорят программисты) никаким образом *не формирует* программу, а лишь *позволяет* «запустить» ее на этой основе. Создается же программа, как известно, программистом с учетом сложности (возможностей) «железа». И даже пресловутая самообучаемость – не что иное, как реализация *изначально заложенных* алгоритмов самообучения. Иными словами, именно идеальное предшествует материальному, где второе – лишь несущая основа для проявления первого. Такая интерпретация процессов эволюции, которую, как мы уже сказали, развивала русская философия, позволяет снять многие вопросы, в том числе и вопрос о том, где «заканчивается» «живой робот» и «начинается» индивид, наделенный, по крайней мере, психикой. Ответ очевиден: если латентно психика (как особая форма идеального, или «информационного», аспекта бытия) присуща миру в целом, то в определенном смысле все организмы обладают психикой, а в более широком смысле – вообще все элементы Космоса, хотя бы в нулевой (исходной) степени.

Те же проблемы закономерно встают и перед отечественными исследователями. В статье «Зачем субъективная реальность, или Почему информационные процессы не идут в темноте (ответ Д. Чалмерсу)» Д.И. Дубровский комментирует «недоумение» Д. Чалмерса: «Почему все эти информационные процессы не “идут в темноте”, независимо от какого-либо внутреннего чувства? Почему, когда электромагнитные волны действуют на сетчатку и затем дискриминируются и категоризируются зрительной системой, мы переживаем это как ощущение красного? Ведь для понимания результата такого воздействия и вызываемой им реакции

организма достаточно функциональное объяснение, не нуждающееся в том, чтобы привлекать субъективный “аккомпанемент”» [3, с. 91]. Как и Дж. Серл, Дубровский критикует физикалистский подход, «согласно которому психическое есть не более чем “эпифеномен” – некий бесплотный и пассивный дублер мозговых физиологических процессов» [3, с. 92]. По его мнению, в действительности здесь имеет место не «аккомпанемент», а информационный процесс особого типа, выполняющий специфическую функцию.

Какова же эта особая функция? Отвечая на этот вопрос, Д.И. Дубровский традиционно обращается к вопросу о том, «для чего» в ходе эволюции возник разум, точнее, в данном случае, субъективный опыт (переживание). И так же традиционно связывает его возникновение с задачей выживания/воспроизведения особи, которая решается, по его мнению, путем создания *нового типа управления* и поддержания целостности. «Имеется в виду такая мера централизации управления, которая не нарушает фундаментальные программы отдельных клеток, и такая мера автономности их функционирования, которая, наряду с *кооперативными* и *конкурентными* способами их взаимодействия между собой, не препятствует их содружественному участию в реализации программ целостного организма. Эта мера централизации была достигнута благодаря возникновению психического управления» [3, с. 94]. Главным фактором здесь послужила, по мнению автора, необходимость быстрого восприятия внешних изменений, извлечения информации из памяти, быстрых оценок и высокой оперативности действий для двигающихся во внешней среде организмов. В итоге в ходе эволюции, согласно автору, развивается способность производить информацию об информации и возникает новый уровень интеграции информационных процессов. «Для того, чтобы информация обрела форму СР, необходимо, по крайней мере, двойное или, лучше сказать, *двуступенчатое, кодовое преобразование* на уровне эго-системы: первое из них представляет для нее информацию как таковую (которая пребывает пока в “темноте”), второе преобразование “открывает” и тем самым актуализует ее для “самости”, делает доступной для оперирования и использования в целях управления. Нарастающая в ходе эволюции *многоступенчатость* операций такого рода позволяет выходить за рамки текущей ситуации, обобщать опыт, развивать способность “отсроченного действия”, прогнозирования, построения моделей потребного будущего» [3, с. 98].

То, что узкоэволюционистский подход к объяснению сознания и разума неудовлетворителен, данная статья как нельзя лучше иллюстрирует. Не будем здесь касаться вопроса о механизмах и факторах эволюции как таковых, напомним лишь для примера серьезные расхождения между их биологической интерпретацией и, скажем, трактовкой в рамках парадигмы уни-

версального эволюционизма (если эволюцию живых организмов можно свести к задаче выживания, то какова «задача» «неживой» материи?). Но и, обходя эту тему, нельзя не поражаться, насколько «шоры» не критически принимаемой научной традиции не позволяют видеть очевидных противоречий и нестыковок. Задача выживания/воспроизводства не просто ставится во главу угла, но постулируется как по сути единственная для особи. И, согласно эволюционистской интерпретации, в процессе развития идет «оттачивание» и оптимизация механизмов, реализующих эту задачу. Иными словами, все и вся подчинены этой цели. Но тогда закономерен вопрос: на каком основании субъективное переживание можно представлять как новую ступень этой оптимизации? В чем его особая функция? Доводы Д.И. Дубровского не убеждают: ведь, как уже сказано, в компьютерной программе можно точно так же предусмотреть обучаемость, способность производить информацию об информации и, соответственно, более высокий уровень интеграции информационных процессов. В этом случае мы, вслед за рядом авторов, должны приписать субъективное переживание роботу. Но дело даже не в дискусионности подобного вывода (очевидно, что он, помимо всего прочего, попросту непроверяем), а в неубедительности обоснования опыта субъективности как *необходимой характеристики более высокого уровня организации*, обеспечивающего повышение скорости реакций в меняющейся среде, принятие быстрых решений и пр. Реакции животных быстрее и «оптимальнее» человеческих и именно потому, что идут независимо от их субъективности (если таковая имеется). Да и человеческие тоже: иначе при ожоге мы тратили бы время на то, чтобы принять «оптимальное решение», вместо того чтобы рефлекторно отдернуть палец. *Обучаемость же, появление новых реакций*, – повторим еще раз, – *сами по себе не нуждаются ни в субъективности, ни даже в «живом» носителе информации.*

Если же речь идет о сугубо человеческом планировании, прогнозировании, выстраивании сложных стратегий поведения, то мы должны признать, что природа (через механизм эволюции) крайне плохо справилась

со своей задачей, что подтверждает общепризнанный цивилизационный кризис – прямой результат нашего человеческого «планирования», «прогнозирования» и «оптимизации». Таким образом, историческая практика убедительно показала, что разум отнюдь не является оптимальным средством для выживания биологического вида *homo sapiens*, а это значит, что причина (и, повторим, «цель») его появления в чем-то другом. Более того, всем, пишущим на эту тему, приходится признать невероятную и совершенно необъяснимую с позиций «стратегии выживания» *избыточность* разума, порождающего цели, ценности, смыслы, многие из которых не имеют ни малейшего отношения к задаче выживания и даже прямо ей противоречат. Показательно, что никто из рассматриваемых здесь авторов не дает вразумительного объяснения этому. Таким образом, *центральным ядром субъективности является не оптимальное управление, а нечто иное.* Д.И. Дубровский считает, что именно понятие информации «...способно выражать основное “гуманитаристское” содержание (смысл, ценность, интенциональность и т.д.), а, с другой стороны, в силу кодовой воплощенности информации, оно допускает “физикалистские” описания (пространственные, энергетические, субстратные и др.)» [3, с. 104]. Но даже если каким-то образом соотнести «энергетическое» содержание информации с тем или иным смыслом, то это, очевидно, ни на шаг не приблизит к пониманию того, что такое смысл, точно так же, как измеренная температура, скажем, смычка и струны скрипки не прояснит ни духа, ни даже «энергии» исполняемого произведения.

В данной статье мы коснулись лишь некоторых проблем и противоречий, характерных для исследования сознания. Более подробный анализ этой области, а также смежных с ней сфер, на наш взгляд, достаточно убедительно демонстрирует оправданность поиска многими современными авторами иных базовых мировоззренческих оснований подобных исследований, их обращения к философским традициям Индии и Китая или упомянутой русской метафизики всеединства.

Библиографический список

1. Серл Дж. Открывая сознание заново. – М., 2002.
2. Деннет Д.С. Виды психики: На пути к пониманию сознания. – М., 2004.
3. Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность, или Почему информационные процессы не идут в темноте? (Ответ Д. Чалмерсу) // Вопросы философии. – 2007. – №3.